

О поколениях, канувших в Лету

Валерий Юрьевич Янковский. 1943 г.

Впервые имя Янковских я услышала еще в 70-х годах, когда была студенткой Института стран Азии и Африки. Потом, регулярно приезжая во Владивосток, я всякий раз удивлялась тому, насколько известна и почитаема среди влюбленной в свой край местной интеллигенции эта покинувшая родину уже 80 лет назад семья талантливых предпринимателей, много сделавших для его развития и процветания.

В 2000 г. на конференции во Владивостокском государственном университете я вновь услышала о Янковских, но уже как о хранителях православной веры в годы эмиграции в Корею в 1922–1945 гг. (в то время я писала работу по истории православия в Корею). Тогда же узнала, что один из Янковских – Валерий Юрьевич – живет во Владимире и готовит к выпуску книгу мемуаров и поняла, что у меня появилась возможность уточнить детали давних событий у их очевидца и непосредственного участника. Кто-то из участников конференции сообщил мне адрес. Я написала письмо, приложила свои статьи, список вопросов. Ответ пришел незамедлительно – четкий и детальный, несмотря на то, что писал человек 1912 года рождения. Так я заочно познакомилась с представителем знаменитой на Дальнем Востоке фамилии. А вскоре прочитала его интереснейшие мемуары, которые автор прислал мне с дарственной надписью.

История Янковских неразрывно связана с историей освоения и изучения российского Приморья. Здесь и сегодня сохраняется память об их делах: в музейных экспозициях, записках краеведов, местных преданиях, географических названиях, наименованиях нескольких видов бабочек и птиц, археологической культуры. Янковские первыми в крае создали женьшеневые плантации, стали разводить лошадей и оленей.

Недалеко от Владивостока, на полуострове Сидеми, где когда-то находилось хозяйство Янковских, в 1991 г. был открыт памятник родоначальнику фамилии Михаилу Ивановичу Янковскому. На постаменте надпись: «Он был дворянином в Польше, каторжником в Сибири, нашел приют и славу в Уссурийском крае. Содеянное им – пример будущим хозяевам земли». М.И. Янковский принадлежал к древнему польскому роду, на гербе которого на голубом фоне были изображены щит и короткий меч – по-старопольски *powina*. Именно так – «Новина» – его сын Юрий впоследствии назвал свое поместье в Корею.

Михаил Иванович был сослан в Сибирь за участие в польском восстании 1863 г., пять лет спустя освобожден по амнистии и отпущен на вольное поселение в пределах Восточной Сибири без права возвращения в Европу. Участвовал в обследовании бассейна Амура по заказу Императорского Русского географического общества в Иркутске, работал управляющим золотым прииском на о. Аскольд в 50 км от Владивостока. В 1878 г. арендовал необитаемый полуостров на западном берегу Амурского залива, который в настоящее время на морских картах именуется полуостровом Янковского. Это было идеальное место для реализации заветной мечты – вырастить уникальную породу дальневосточной лошади, более рос-

лой и выносливой, чем маньчжурские и корейские. На своем полуострове Янковский завел коров, овец, свиней, птицу, построил неприступный дом-крепость. Так была создана образцовая ферма, уникальная на Дальнем Востоке.

Многолетними усилиями новая порода лошадей была выведена. Как писал позднее Михаил Иванович, он мог бы, подобно многим предприимчивым коммерсантам, «накопленный на Аскольде капитал употребить на покупку участков и постройку домов во Владивостоке, стать миллионером; но тогда не было бы выведенной многолетними поколениями моей лошади, то есть не было бы того, что ни всеильные американцы, никакой капитал... не могут сделать ни за пять, ни за десять лет».

В то время хозяевам приходилось сражаться не только с тиграми, барсами и волками, но и с хунхузами и браконьерами. За поразительную меткость стрельбы местные корейцы прозвали М.И. Янковского «Не нуни» – «Четырехглазый». Позднее его сыновей (их было пятеро) и внуков, также метких стрелков, называли «Не нуни адыри» – «Сыновья Четырехглазого» – и «Не нуни сонджа» – «Внуки Четырехглазого». М.И. Янковский участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. После его кончины в 1912 г. хозяйство перешло к его сыну Юрию, который стал достойным продолжателем начатого родителем дела. Дело процветало 42 года. В 1921 г. американские бизнесмены, детально ознакомившись с хозяйством, предложили Ю.М. Янковскому продать им его за 2 млн. долларов США, что по теперешним котировкам валюты и ценам представляло бы собой не менее 20 млн. Но Юрий Михайлович отверг это предложение. Он не хотел верить в то, что поставленное с таким трудом хозяйство придется покинуть. Однако с поражением белого движения осенью 1922 г. отъезд стал неизбежен.

Привыкшие на родине к упорному физическому труду, к активному предпринимательству и самостоятельности, Янковские остались верны себе и в Корее. Они резко отличались от других русских эмигрантов, которые корейского языка не знали, жили замкнутой общиной в крупных городах (в основном, в Сеуле), работали преподавателями, переводчиками, парикмахерами или имели крохотное дело – чаще всего магазинчики по продаже европейской одежды. Точная цифра неизвестна, но русских в Корее в 1920–1930-х годах было всего несколько десятков. Янковские были самыми состоятельными, предприимчивыми и удачливыми среди них, они были общительны, щедро предлагали свою дружбу и поддержку, так что их поместье «Новина», где обеденный стол в доме хозяев был рассчитан на 40 человек, в течение двух десятилетий было центром русской эмиграции в Корее.

Поместье «Новина» представляло собой в патриархальной Корее уникальное предприятие. Оно рухнуло в одночасье, в сентябре 1946 г., когда было конфисковано советскими властями. Сыновья Валерий и Юрий, добровольно ушедшие служить переводчиками в Красную армию сразу после прихода ее в Корею в августе 1945 г., и сам Юрий Михайлович были арестованы. Отец не выдержал тягот заключения и скончался в 50-х годах в лагере на станции Чукша – между Тайшетом и Братском. Точное местонахождение его могилы неизвестно. Валерий тоже прошел через ГУЛАГ, и в начале 1960-х годов был реабилитирован. В 2000 г. он опубликовал повесть о своей семье, которую назвал «От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа» и посвятил «канувшим в Лету поколениям».

Уверена, что в предлагаемой журнале публикации читатели найдут немало интересного и поучительного.

Татьяна Симбирцева,
сотрудник Международного центра
корееведения ИСАА при МГУ

Гости Новины на висячем мосту. 1938 г.

Оптимист и «фаталист», как он сам себя называл, наш отец Юрий Михайлович начал готовиться к эмиграции слишком поздно. Его слабым местом была твердая вера в то, что все должно случаться так, как хочется ему. Когда многие состоятельные люди в Приморье стали ликвидировать имущество, переводить капиталы в иностранные банки, готовить базы в Японии, Маньчжурии, Китае, Юрий Михайлович все ждал перелома на фронтах в пользу белых армий. А ведь он мог свободно распродать полтысячи лошадей, рыбалки, несколько сот пар драгоценных пантов и тысячи корней женьшеня, приобрести заранее в той же Корее солидные участки земли, вывезти на своих катерах и баржах сотню-другую пятнистых оленей, перенести туда и плантацию женьшеня. Но, увы, — эвакуация осенью 1922 г. началась поздно, в спешке. Катер и автомобиль оказались брошенными во Владивостоке. Посаженные в клетки олени остались на берегу полуострова. В результате в распоряжении семьи оказались: небольшой участок на холме маленького корейского порта Сейсин с двумя фанзами и площадка на песчаном пустыре за городом под конюшни. Мы, дети, в первый год посещали японскую школу, а дома учились по программе гимназии, благо среди бежавших оказалось достаточно хороших педагогов. Учили европейские и японский языки. Корейский давался на практике с местными ребятами. Учились и работали.

Первые приобретения

Переломным моментом стал случай. Отец продал привезенный автомобиль — «хапмобил» — хозяину курорта на горячих источниках Канэта возле станции Шюоцу, в сорока верстах от Сейсина. Тот пригласил в гости. Переночевали в райском уголке, в домиках, увитых лианами цветущей ароматной глицинии. Узнали от бывшего нашего шофера, перешедшего вместе с автомобилем к новому хозяину, которого

Мемуарный очерк Novina подготовлен В.Ю. Янковским специально для журнала «Восточная коллекция» и частично основан на материалах его книги «От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа».

звали Виссарион Ипатьевич Воробей, о том, что дальше в горах есть еще один источник — Омпо. Туда ходил автобус, но денег на такой комфорт не было, отправились пешком. Прошагали более десятка верст, миновали поселок горячих ключей с парой гостиниц, прошли еще дальше в горы и облюбовали в долине, обставленной высокими сопками, местечко с двумя корейскими фанзами под соломенной крышей. Договорились об аренде пары комнат на лето и вскоре приехали с палатками, так как в хатках всем было не уместиться. То были первые шаги на пути к созданию будущей «Новины». Это слово по-старопольски означает короткий меч, изображенный в центре нашего фамильного герба, и оно двадцать с лишним лет служило названием русского поселка-курорта, который приобрел большую популярность среди российских эмигрантов

встал в виде буквы «Г» просторный, из лиственничных досок, под нержавеющей кровлей дом. Гостиная-спальня с широченной кушеткой, с большим камином из дикого камня, соединенная со столовой человек на сорок. А рядом кухня. Дядя Павел Михайлович построил для своей семьи домик из саманного кирпича. Для родителей выстроили башню в два этажа с площадкой на крыше и флагштоком. Через речку перекинули примитивный, но, казалось, надежный висячий мост.

Начиная с лета 1928 г. Новина стала заметно разрастаться. Состоятельные эмигранты и приезжие иностранцы принялись покупать разбитые по 300 цубо¹ участки, заказывать дачи и дачки. Первые домики строили своими руками, позднее — нанимали строителей. На вырученные деньги год от года расширяли земельные владения. В 18 километрах

Город Чхонджин, 30-годы.

рантов Кореи, Маньчжурии, Китая, Японии. И среди многих иностранцев.

«Новина» — детище наших родителей. Отец сумел добыть средства, получив под проценты кредит в харбинском банке и у дальних родственников — братьев Бринер, — и умудрился постепенно в рассрочку выкупить в собственность один за другим обширные участки пашни, леса и фруктового сада, постройте. Мать, безусловно, была душой этого уголка россияна на чужбине. Если лето 1925 г. было отмечено жизнью в палатках и фанзах, первым робким приобретением узкой береговой полоски земли вдоль реки, то уже в 26-м появились между скал хибарки из теса под оцинкованными железными крышами. А следом и первый дом — «Катамаран»... В 1927 г. на скале над самой рекой, на высоком, до высоты окон, фундаменте из круглых речных ва-

от Новины, на станции Рюкен, где железная дорога подходит к морю, в сосновой роще, примыкающей к длинному песчаному пляжу, приобрели солидные уголья, получившие имя «Лукоморье». И там начали расти дачные строения любителей проводить лето у моря.

Лукоморье

Не так много бухт на побережье Японского моря богато такими пляжами, как Лукоморье. Этот пляж мельчайшего, бархатного золотистого песка протянулся на целых шесть километров. Начиная от станции Рюкен, на юго-запад к нему подступали крутые кряжи, поросшие дубом и сосной. Чистый сосновый лес выбегал на равнину к самому морю.

¹Японская квадратная сажень, 6 x 6 футов.

В начале тридцатых отец приобрел здесь большой участок в полную собственность, оформленный купчей крепостью на бланке с большой красной печатью земельного ведомства. Японский закон не запрещал иностранцам, в том числе и российским эмигрантам, приобретать землю с правом перепродажи кому угодно, что весьма способствовало коммерческой деятельности попавших в трудное положение соотечественников. В бору мы построили просторную летнюю дачу с кухней, столовой, гостиной, отдельными жилыми домиками, где принимали в течение лета гостей из Маньчжурии, Китая, Японии. Несколько лет подряд бессменной главной хозяйкой Лукоморья была моя сестра, поэтесса Виктория.

Она отлично справлялась со своими обязанностями. Командовала китайцем-поваром и корейскими горничными, под-

ской муки и, не расставаясь с мундштуком, несла его, как пуховую подушку, на кухню. Обожала охоту и путешествия.

Виктория пользовалась немалым успехом. Ее всегда окружали приезжие поэты, артисты и просто отдыхающие.

Вот такая сценка. На песке у самой полосы прибоя расположилась живописная группа. Среди прочих — шанхайский поэт Валь и дамский угодник, служащий шанхайского муниципалитета Николай Кулеш. Валь — интеллигент и эстет в душе, но внешне неопрятный: сутулый, с нестриженными грязными ногтями, запущенными зубами, с копной черных, вечно сальных волос. Кулеш, подтянутый блондин с фигурой Аполлона, чистюля, всегда безукоризненно выбрит, модно одет, любит внешние эффекты. Оба стараются произвести впечатление на хозяйку Лукоморья.

Лукоморье. 1934 г.

держивала образцовый порядок, чистоту и красоту. Организовывала дневные прогулки и вечерние танцы. А по ночам — огромные костры из высушенного плавника на берегу моря.

Обладая весьма оригинальной внешностью, всегда загорелая и крепкая, как монгольская лошадка, в легком сарафане, а в жару — просто в черных трусах и бикини, с широкой лентой поперек лба, удерживавшей непокорные короткие волосы, не расставаясь с ментоловой сигаретой в зеленом, красном или оранжевом мундштуке, она выглядела очень живописно. Если не оказывалось под рукой помощника, а повару нужно срочно печь лепешки к чаю, отправлялась в окружении обожавших ее девчонок за версту в рюккенскую лавку, закидывала на плечо двадцатидвухкилограммовый куль белой американ-

Валь читает стихи, все слушают его с вниманием, и это раздражает Кулеша. Но вот порыв ветра растрепал шевелюру поэта, а гребенки у него, как всегда, нет, и он обращается к Кулешу:

— Николай, одолжи расческу.

Тот нехотя вытягивает из заднего кармана модных шорт беленький гребешок, небрежно протягивает поэту. Валь старательно расчесывает свою гриву и задумчиво возвращает гребенку. Николай брезгливо принимает ее двумя пальцами, рассматривает, морщится и... швыряет в набежавшую волну. Один ноль в пользу Кулеша.

Мы, братья, пользовались любым предлогом, чтобы сбежать сюда из Новины, от жесткого распорядка и контроля отца. Доставив дачников с горячих источников, ставили в холодильник машину и бежали к морю.

Ярко-синее в погожие дни, оно сливалось с такого же цвета небом на горизонте. Там, в версте-другой от берега, виднелись рыбацкие шаланды. Некоторые, спустив парус, покачивались на плавучих якорях — рыбаки сушили сети. И хотя у нас была хорошая гребная лодка, самым привлекательным было добираться до судов вплавь.

Собиралась группа надежных пловцов, среди них две-три храбрых девчонки. Им под резиновые шапочки клали сигареты, спички, конфеты и — пльли. Пожилые тети и дяди махали руками, кричали, что это опасно, что они будут жаловаться кому-то, но наша шайка, посмеиваясь, неторопливо пльла в открытое море. Бывало, путь в одну сторону занимал больше часа.

Но зато какое удовольствие вскарабкаться на просторную деревянную посудину, помочь взобраться девушкам, угостить сигаретами приветливых рыбаков и разлечься на промытой морем и дождем, прокаленной солнцем палубе!

Впереди, сколько хватает глаз, лазурное Японское море, позади — зеленые корейские горы и полоска желтого песка с едва приметными фигурками, а вернее, точками белых панамок и расстеленных простыней и полотенец. Пахнет морем, вяленой рыбой, лодка мерно покачивается, навевая дрему. А когда прожарились — снова в воду и назад к берегу, в распоряжение сестры — хозяйки Лукоморья.

Кыс

В нашей семье постоянно занимались приручением зверей. Пойманных в лесу оленят вспаивали коровьим молоком, и они вырастали ручными. В разное время держали тигренка, барса, медвежонка. В бабушкином саду позади дома в корнях огромной липы много лет жили еноты; прибегали на голос, брали пищу из рук. В Корею поначалу держали дома волчонка. Однако в восьмимесячном возрасте он неожиданно покусал мальчишку и сбежал в лес. И не вернулся.

Позднее появилась рысь. Отец принес корзинку. Из дырки в крышке торчала прелестная головка — серо-коричневая в крапинках, с желтыми глазами и черными кисточками на стоячих ушках. Сестры налили в блюдце молока, позвали: «Кыс, кыс, кыс!» Рысенок выпрыгнул из корзинки, подбежал и стал лаять розовым язычком, приведя всех в восторг. И его окрестили «Кысом». Мало того, что он отзывался на свое имя, он быстро подружился и с людьми, и с собаками. Влезал на колени, любил, когда чешут за ухом, ходил с собаками на прогулку. Когда кто-либо садился, положив ногу на ногу, рысенок разбе-

гался и бодал головой выставленную подошву, приглашал побаловаться. Очень дружил с моим пойнтером Майкой. Они постоянно возились и боролись, не причиняя друг другу никакого вреда. Сохранилась фотография тех лет: я сижу на кушетке в нашем «Катамаране», а Кыс и Май с двух сторон, морды у меня на коленях. Этот снимок попал в харбинский журнал, и мой родственник Володя Вахович рассказывал о реакции одного читателя. Тот сидел рядом в трамвае и, разглядывая фотографию в журнале «Рубеж», повернулся к соседу: «Нет, вы полюбуйтесь — до чего заврался охотник: положил на колени чучело и думает, люди поверят, что это живая рысь!»

С годами Кыс превратился в крупного, очень представительного самца, понимал много слов. На команду «Кыс, идем купаться!» летел прыжками по тропинке на речку и делал в кустах засаду. Пропускал всех взрослых и мальчишек, дожидаясь девчонок. Прыгал, хватал за косу, валил на землю, но не кусал, не царапал, а, лизнув в шейку или щечку, бежал с ними на пляж. Сначала осторожно заходил в воду, стараясь поймать копошившихся возле лап гальянов. Потом, к общему восторгу, распушив свои бакенбарды, двигался вглубь и уверенно пльл!

Однажды младший братишка Юрий с мамой прогуливали вместе с Кысом молодых охотничьих псов. С чумизной пашни у обочины дороги взлетел выводок фазанов. Юрка сбил петуха, тот упал в высокий бурьян. Собаки и рысь кинулись за подранком, а мама с сыном заспорили: которая из собак найдет и подаст фазана первой? Как вдруг из зарослей полыни с петухом в зубах появился Кыс! И почтительно подал его хозяйке...

Он любил маму больше всех. Когда она слегла, уже не отдавал предпочтения никому. И однажды исчез. В августе ходил с компанией купаться, переплыл речку, погрелся на солнце, но обратно не поплыл, стал возвращаться по перекинутому над скалами и рекой висячему мосту. Он делал это и раньше. Однако в тот воскресный день на середине моста столкнулся с группой незнакомых туристов. Кореянки в ярких кофточках, увидев «дикого зверя», подняли визг, замахали зонтиками и, очевидно, напугали его. Кыс убежал в лес, куда раньше его не водили, и тут вдруг оказался в своей стихии!.. Вечером пришел к кухне, где обычно ел вместе с собаками общую похлебку. Его окликнули, но, не услышав голоса любимой хозяйки, он опять убежал в горы. Посчитали, что навсегда.

Прошло более двух месяцев. Поздним вечером в начале ноября мы с Арсением вернулись на машине с охоты. Опасаясь ночного заморозка, брат решил слить из радиатора

М.Ю. Янковский. Маньчжурия, 1941 г.

воду, а я, взяв рюкзак и винтовку, направился к дому. Уже заходил на веранду, когда позади щелкнул выстрел. Гляжу — возле курятника фигура с карабином в руках.

— Кого стрелял?

— Понимаешь, какой-то зверь напал на кур, они заметались, заорали. Заметил какую-то тень, сверкнули глаза! По ним и выстрелил...

На шум прибежал заведующий оленником кореец Тимофей Магай с фонарем. «Какой-то зверь около оленника ходили, олени силь-

но свистели...» Вошли в курятник. Посреди двора на темном фоне земляного пола — две белые задавленные курицы. Рядом силуэт растянувшегося зверя. Думали — волк. Но когда осветили морду, узнали Кыса! Еще котенком, играя с тряпочкой на конце веревки, он прыгнул, зацепился и повредил клык, который оттопыривал губу, создавая подобие улыбки. Теперь нам улыбалась мертвая голова...

Мы скрыли эту печальную историю от больной мамы, рассказав лишь о том, что Кыс убежал в лес.

Зимняя база Янковских в Коре. 1935 г.

Ночные красавицы

В ранние годы становления курорта много внимания, как статье дохода, уделялось энтомологии. Юрий Михайлович был сильным практиком в этой области, заимствовав опыт своего отца. Он связался с крупной фирмой «Штаудингер и Бангхаас» в Гамбурге, получал от них заказы наряду с прекрасно изданными каталогами, где жуки и бабочки были изображены в своем подлинном наряде в натуральную величину. На жуков, в основном «олений», карабусов и каптолябруссов, в лесу устраивали ловушки: на заметных лишь опытному глазу тропинках среди травы и опавшей листвы вкапывали разрезанные на две половины банки из-под бензина или керосина. Ночью, прогуливаясь по своим дорожкам, жуки падали в замаскированные травой банки, а утром обходящий дежурный «энтомолог» вылавливал их оттуда. Малоценных отпускали на волю, а красавцев, спинки которых переливаются всеми цветами радуги, приносили домой для отправки в Германию.

С бабочками было куда сложнее. Спрос на дневных был очень ограничен. Видимо, рынок был ими сыт. Спросом пользовались лишь некоторые виды махаонов: папилио Мааки и папилио Раддэ. Первые появлялись в мае-июне, вторые в июле-августе. Черные, как вороново крыло, с зеленовато-золотистым отливом, чаще всего порхающие над лесными лужами. Были и оранжевые с черными полосами. Но более всего фирму интересовали парнассиусы. Это крупные бежевого цвета бабочки с красными и черными пятнами, очень заметно варьирующимися, что и при-

влекает коллекционеров. За парнассиусами мы носились по кручам с сачками среди цветов и высоких трав, как горные козлы.

Самым большим спросом пользовались ночные красавицы. Их по ночам ловили на свет фонаря. Однако, это очень хрупкие особи, поймать и не повредить пылью — большая редкость. Их приходилось выращивать. Как? Новина окружена горами, поросшими всеми видами дальневосточной флоры. А это кормовая база всех чешуекрылых. Весь секрет в том, чтобы знать, на чем кормится конкретная гусеница, родительница бабочки. И еще — как ее поймать и выкормить. Так вот, в долине среди гор устанавливали небольшую, в виде стоячего пена-ла, белую палатку, а в ней подвешивали мощный карбидовый фонарь. И в темные ночи дежурили в этой палатке до рассвета. Самые разные, каких никогда не встретишь днем, фантастические по окраске и форме ночницы планировали со склонов гор и с характерным шуршанием влетали в палатку, устремляясь к фонарю. Опытный дежурный должен был определить нужный подвид и поймать обязательно самку. Ее следовало аккуратно привязать ниткой с наружной стороны палаточной ткани и оставить до утра. Как правило, она откладывала на стене палатки созревшие яички. Их снимали и клали на лист того дерева, которым будут питаться вылупившиеся гусеницы. А лист переносился на помещенную в марлевый мешок живую ветку дуба, граба, ильма (вяза), ясеня, липы, маньчжурского ореха или бархатного дерева.

Выращивали десятки подвидов. Их проверяли почти ежедневно, ибо гусеницы, подрастая, становятся очень прожорливыми и

если вовремя не перенести этот инкубатор на свежую ветку, семейство погибнет и вся кропотливая работа пойдет прахом. А малюсенькие поначалу гусеницы растут иногда до размера мужского пальца, из зеленых превращаются в красных, коричневых, порой черных. И, наконец созрев, бросают есть и падают на дно мешка.

К этому времени уже были подготовлены обитые жестью (от мышей) ящики с землей, с крышками из металлической сетки, пропускающей воздух. Гусеницы закапываются и обращаются в куколки. До весны. Весной снова наблюдение: каждое утро в подвале или омшанике приподнимаются сетчатые крыши, и вдруг перед восхищенным взором открывается дивный вид: едва заметно трепещущие девственными крыльшками, сидит вылупившаяся ночная красавица! Ее усыпляют в банке с цианистым калием, и отец квалифицированно расправляет экземпляр на пробковой основе под стеклянной крышкой. Ей суждено украсить музей или частную коллекцию в далекой Европе или Америке. Среди них есть немало экземпляров из семнадцати подвидов, открытых дедом еще в Приморье, что носят имя Янковского.

Оленья ферма

Наш отец давно мечтал вновь завести оленей, поэтому, когда услышали, что в горах, в районе старой крепости и станции Пурен, корейские чудо-следопыты поймали голыми руками несколько пятнистых оленей, сразу отправились в путь. Несколько часов мы с отцом и переводчиком Иваном Чхон

Чан Гыном, который и принес эту весть, шагали по разбитой тележной дороге в горы, преодолевая вброд речки.

Под вечер мы достигли фанзы известного в округе охотника Ким Чун Бона и сразу заметили в огороженном высоким частоколом дворике четырех красновато-коричневых, с белыми пятнами оленей: двух самцов, матку и молоденькую оленушку. Хозяин — пожилой, с редкими усами дождичком и старинной прической — шишкой из собственных волос на макушке — пригласил нас в комнату, усадил на циновки, предложил ужин. Подробно рассказал, как весной, когда олень бросает зимний корм, а трава еще не подросла, он заметно слабеет. И тогда зоркие следопыты преследуют его, не теряя отпечатков копыт по чернотропу в течение нескольких дней и светлых ночей, пока олень, выбившись из сил, не ляжет...

И берут голыми руками! Невероятно, но факт. Мы договорились о цене, сколотили ящики-клетки, погрузили оленей на двухколесные арбы, ведомые медлительными волами, и доставили этот драгоценный груз за сто с лишним верст в нашу Новину.

Этим четырьмя оленям Новина обязана будущим благополучием. С годами стадо росло, панты и приплод стали одной из главных статей дохода.

В назначенный день пантача загоняют в станок и спиливают маленькой ножовкой горячие серовато-розовые, полные целебной крови молодые рога. В это время покупатель, внесший аванс еще с весны, терпеливо сидит на корточках и ждет. Но вот оба панта спилены и быстро из рук в руки переданы за пределы оленника. Из среза, через мелкие поры кровь брызжет, как из пульверизатора, орошая всех участников этой процедуры, их лица и белые халаты. Звучит команда «Пей!» — и трясущийся, как в лихорадке, «кровопиец» присасывается по очереди то к одному, то другому «пеньку» спиленного рога. Закрыв глаза и захлебываясь, счастливцев в экстазе судорожно глотает горячий солончатый эликсир молодости. Порой он входит в такой раж, что его приходится отрывать силой. Потом к «пенькам» прикладываются остальные участники операции. Затем обливают голову оленя колодезной студеной водой, открывают станок, и он гигантским прыжком вылетает в соседний дворик!

Один строптивый самец никак не желал заходить в станок; его из года в год приходилось ловить и валить на землю. Для этой операции собирались самые отчаянные сильные ребята, в том числе, конечно, мы с братом Арсением. Получалась настоящая «коррида», на которую собирались смотреть дачни-

Православная часовня Янковских. 1935 г.

Охота на фазанов. Валерий Янковский с помощником. 1940 г.

ки и гости, среди них немало красавиц, перед которыми каждый участник норовил проявить свою ловкость.

Рядом с оленником построили коровник, поставили пасеку, омшаник для пчел. Неподалеку, в фанзе бывшего хозяина этой земли, окруженной посадками абрикоса, поселилась семья корейца Тимофея Магая, бежавшая от раскулачивания и репрессий против корейцев в Приморье. Его родители когда-то служили на ферме моего деда Михаила Ивановича.

В Китай за коровой

В Новине росла потребность в молоке, однако расширить ферму оказалось непросто. Корейские крестьяне держали только рабочий скот и вовсе не употребляли молока. Что делать? Связались со знакомыми в соседней Маньчжурии, недавно бежавшими из Приморья раскулаченными крестьянами Иваном Кузьмичем Реснянским и Михаилом Михайловичем Патюковым. Те сообщили, что за пару пантов можно взять хорошую дойную корову. Я уже был правой рукой в отцовском хозяйстве, так что, естественно, эта операция была поручена мне.

За несколько часов поезд домчал меня до границы. За рекой Туманган — маньчжурский городок Тумынь, который именовался по-японски — Томон. К тому времени (1934 г.) японцы уже полностью оккупировали Маньчжурию, создав государство

Маньчжоу-Го. Там базировалась Квантунская армия, населением командовали жандармерия и полиция.

Утром следующего дня я уже был в старинном городе на Сунгари — Гирине. Любовался китайскими пагодами, мостами, мощенными гранитом набережными. На окраине разыскал китайскую фанзу, в которой временно устроились беглецы из Советского Союза.

Добравшись после длительных приключений до Харбина, они занялись разведением пантовых оленей. Только Патюков осел в Гирине, а Реснянский позднее перебрался в Корею, в нашу Новину, где мы бок о бок прожили очень дружно добрый десяток лет.

В нашей Новине Кузьмич летом занимался пасекой, ухаживал за своими оленями, а зимой безвылазно охотился в тайге. Человек с двумя классами церковно-приходской школы, он выписывал несколько газет, вел в палатке или зимовье подробный дневник, который пересылал нам. Иван Кузьмич Реснянский кончил так, как большинство несчастных белоэмигрантов. В первые же дни оккупации Северной Кореи советские органы забрали его в числе «наиболее провинившихся». И лишь много лет спустя я встретился в Москве с его старшим сыном Иваном Ивановичем. Утирая слезы, он поведал, что отца осудили и этапировали на Воркуту, откуда тот уже не вернулся. Сам пройдя этот сталинский «университет миллионов», я просто кожей почувствовал, что уголовники выследили старика и еще живому выбили все его золотые зубы...

А тогда, в Гирине, я удачно продал привезенные из Новины панты, купил красивую красно-бурую холмогорку с большим выменем, погрузил в товарный вагон и отправил с провожатым домой. А сам, очень довольный, на другой день сел в пассажирский поезд, следовавший обратно в Корею.

Часа через два поезд остановился на большой станции города Дуньхва. Я вышел на перрон, полагая, что здесь можно купить бутылку молока или минеральной воды. Ничего не нашел, но мое внимание привлек длинный состав платформ с грузовыми автомобилями, укрытыми брезентовыми чехлами. Я очень увлекался машинами и просто из любопытства прошелся вдоль выстроившихся платформ, заглядывая под чехлы, стараясь подробнее рассмотреть иностранные голубые грузовики. Заметил, что в окне вагона мелькнула чья-то голова, но не придавал этому значения. Правда, когда вернулся в вагон, ко мне подсел очень любезный японец в форме военного чиновника и стал расспрашивать, откуда я, куда и зачем ездил.

Наконец, Томон. Я сидел на своем месте, ожидая таможенного досмотра, в уверенности, что через полчаса состав прогремит по мосту через Туманган и я буду почти дома. Как вдруг в вагон вошли два японских жандарма в военной форме, громыхая длинными пашками в металлических ножнах. Подошли и предложили снять с полки мой чемодан. Думал — будут досматривать, но старший командовал:

— Вещи берите с собой, пошли на выход! Побыстрее!

— Куда мы идем? Мой поезд скоро уходит! В ответ услышал:

— Это неважно, идем в жандармский участок! — и мы зашагали в непроглядную ночь. С каждым шагом во мне нарастало сомнение. Черт побери, куда они меня ведут? Не угодил ли я в лапы переодетых бандитов — хунхузов? Может, знали, что продал панты, следили от Гирина и перед границей решили ограбить?

Я нащупал в кармане брюк свой маленький шестизарядный браунинг 25-го калибра. Сейчас жандармы шагали чуть впереди, и я уже почти не сомневался в том, что они на самом деле бандиты и меня, конечно, убьют. Так лучше я их. Хлопну и бегом на вокзал.

Это были критические мгновения. Те двое никогда не узнали, что были на грани гибели, да и я тоже, потому что убил бы настоящих жандармов, а значит, не избежал бы расстрела. Но в этот судьбоносный момент из-за неосвещенной фанзы справа от нас вынырнуло

ярко освещенное окно небольшого одноэтажного домика. Я понял, что меня ведут не в поле, и разжал ладонь на рукоятке пистолета.

Мы вошли в небольшой кабинет, где за столом сидел жандармский офицер. Он отпустил конвоиров и бросил относительно вежливо:

— Поставьте чемодан, садитесь. — И вдруг перешел на дикий крик:

— Оружие есть? Бросай на стол! — Выхватил и направил на меня сверкнувший воронением тяжелый маузер. — Что делал на станции Дунхва?

— Хотел купить молока...

— Врешь, наши люди видели, как ты изучал и переписывал военную технику! Где твоя записная книжка?

Я вынул свой небольшой блокнот, в котором, конечно, не было никаких подобных пометок. Он пролистал его и отбросил.

— Ну, выкладывай всю правду!

— Возвращаюсь из Гирина, где покупал корову, домой в Корею. Мой поезд должен скоро отойти...

— Поездов может быть сколько угодно, только тебе на них не ездить, сорен но спай (советский шпион)!!! — Он стукнул рукояткой маузера по столешнице, держа меня на мушке.

Только сейчас я понял, в чем меня обвиняет этот узкоглазый самурай, готовый всадить крупнокалиберную пулю в невинный двадцатитрехлетний лоб, и осознал, что мне совершенно необходимо представить в свое оправдание какие-то веские доказательства.

Японский военный гарнизон в Корее. 30-е годы.

Я судорожно соображал и, кажется, нашел нужные слова.

— Господин капитан, мы — белые русские! Бежали от красных двенадцать лет назад. Позвоните в жандармерию города Сейсин в Корею. Они давно хорошо знают нашу семью...

Он посидел в некоторой задумчивости, потом встал, сверкнул глазами:

— Пока подумай, я скоро вернусь. Но с этого стула не вставать!

Он вызвал какого-то юнца и приказал сторожить меня.

Глубоко подавленный, я сидел на жестком стуле, как вдруг до моего слуха издали донесся голос жандарма, который разговаривал по телефону. Разобрал, что он упоминает нашу фамилию и понял, что говорит со своим ведомством в Сейсине.

Появился он внезапно, сел в кресло и прохрипел:

— Да, кажется, произошла ошибка. Извините. Но я был обязан проверить информацию, сигнал подчиненных. Сожалею, что задержал, но государство требует бдительности — такая у нас работа. Да, этот мальчик разбудит вас в четыре утра и донесет ваш чемодан к пятичасовому поезду. Это ближайший, уходящий в Корею. Прощайте.

Солнце еще лишь окрасило в лимонные цвета восточную часть неба, когда «голубой экспресс» Чаньчунь-Сейсин миновал мост через Туманган, и минувшая ночь уже стала казаться мне далеким кошмаром.

В Лысых Горах

Дачное дело разрасталось. Приобрели автомобиль, потом второй. Построили гараж на две машины. На горке в сосновом бору из речного круглого гранита поставили небольшую часовню-церковь. Новина привлекала все большее число дачников. Курорт посещали самые разные, порою очень интересные люди — писатели, художники, артисты, политические деятели. Харбин был наполовину русским городом, Шанхай — международным. В Новине и Лукоморье дачный сезон проводили в разное время известные артисты: Томский из Харбина, Далевич и Вера Панова из Шанхая, а также издатель ряда газет и журнала «Рубеж» Евгений Самойлович Кауфман, его жена Елизавета Александровна, ее сестра Агния Александровна, писатель Михаил Щербаков, поэт Валь, художник Кичигин с женой художницей Верой, художник Андрианов, известный ботаник и энтомолог Нума Августович Десулави, карикатурист Вита, поэтесса Лариса Андерсен. Наша тетка Катерина Корнакова, одна из любимых учениц Станиславского, ставшая женой Бориса Бринера (отца знаменитого киноактера Юла Бринера), ежегодно проводила лето на роскошной даче мужа. У нее как-то гостила ставшая известной в Советском Союзе писательница Наталия Ильина.

Под руководством нашей мамы Маргариты Михайловны и жены дяди Павла музы-

Поэтесса Лариса Андерсен. 30-е годы. Фото предоставлено Е.П. Таскиной.

Вход в клуб-театр Novina. В центре, с собакой, – М.Ю. Янковский, в верхнем ряду, рядом с колонной, – священник о. Иоанн. 1937 г.

кантши Наталии Николаевны устраивались театральные и вокальные вечера, концерты и, конечно, танцы. Проходили выборы «мисс Новина». Не проходили без приключений экскурсии к истокам реки, на становой хребет Лысье Горы.

– Трактор идет! Тащите вещи, скорее!

Сидевшие в ожидании экскурсии на скамейках, в беседке и просто на большой поляне между театром и теннисным кортом новинцы и дачники, схватив рюкзаки и корзинки, заспешили к шоссе, вдоль которого проходила узкоколейка. Миновали круглые, сло-

женные из дикого камня опоры ворот, украшенных огромными керамическими вазами с ярко цветущей настурцией.

Снизу по долине, со стороны горячих ключей Омпо уже явственно доносится рокот приближающегося поезда, и вот он вынырнул из-за ближайшего поворота. Почти игрушечный тракторишко тащит длинный, в два десятка открытых лесовозных вагонеток, состав. На нем группе обитателей русского поселка Новина предстоит добраться до лесной биржи, что в Лысых Горах. Вскоре поезд влез в сузившуюся долину, вьющуюся между ска-

листых, поросших лесом гор, вдоль бурной светлой речки в гранитном ложе, с пенящимися на каждой излучине водопадами. Там, где пойма расширялась, показывались аккуратно возделанные поля чумизы, кукурузы, картофеля, соевых бобов; среди них чистенькие корейские фанзы с оклеенными бумагой дверями и соломенными крышами. Дальше скалистые, поросшие дубом и сосной горы вновь вплотную подступали к рельсовому пути...

Этот поезд лесной концессии отправлялся от железнодорожной станции Шююцу и проникал в самое сердце Лысых Гор, на склоне которых шла заготовка строевого леса. Возвращался он загруженный длинными бревнами, на которых обязательно громоздились бесшабашные, рискованные (ибо аварии случались весьма часто) пассажиры.

Сегодня мы — хозяева курорта Новина и наши гости — катим не до концессии на станном хребте, а лишь до перевалочной базы. Я пристроился на одной из средних вагонеток, а передо мной маячат две загорелые женские спины с бретельками от черных сатиновых бикини между лопаток: моя сестра поэтесса Виктория и ее подруга из Харбина, моя юношеская любовь, поэтесса Лариса Андерсен. И я только сейчас замечаю, какие это разные спины. Сестра ниже подруги на полголовы, но плечи и лопатки, опаленные загаром, кажутся в полтора раза шире! Виктория — лесной бродяга, охотница, очень крепко сколоченная девушка.

Лариса, поэтесса и балерина, — стройная красавица. Пышные каштановые волосы, словно нарисованные брови, фиалково-синие глаза, чуть вздернутый носик, ослепительная улыбка. Я называл ее по-есенински — прекрасной Лалой, и она приняла мое прозвище. Как ни удивительно, оно привилось на все последующие годы. Лала, конечно, пользовалась большим успехом. Я и брат Арсений наперебой учили ее управлять нашим стареньким автомобилем и верховой езде. По очереди скакали на вороной паре под солнцем и дождем. Кони переходили на шаг и скоро привыкали идти бок о бок...

Наутро чуть свет отправились по узкой малонабитой тропе на вершину Лысых Гор. Пошли самые выносливые. Это очень далекий, трудный поход. Тропка вьется меж крутых склонов богатого субтропического леса, вдоль небольшого каменистого ручья, с берега на берег. Тут встречаются такие редкие виды, как тис, карельская береза, магнолия, дикий виноград, актинидия, лимонник. Но постепенно ручей исчезает, лес мельчает, сменяется хилыми березками и лиственницами, полями рододендрона. А выше — чистые голыцы, где среди замшелых камней встреча-

ются только полянки голубицы. Но зато с вершин этого станного корейского хребта Серен открывается грандиозная панорама: бесконечные, куда достает глаз, хребты и пики: серые, зеленые, голубые. А на востоке в дымке — уголок синего моря, наше Лукоморье.

Группа проделала это восхождение рекордно быстро, затратив весь день. Назад, под гору, катились почти бегом. К вечеру по-

года начала хмуриться, застучали первые тяжелые капли. И как только влетели в палатки, хлынул ливень.

Дождь лил ночь, день и снова ночь. О костре нечего было и думать. Кто спал, кто рассказывал сказки, кто жевал последние сухари, запивая дождевой водой. Вода в горах поднимается быстро, на второе утро всех потрясла грандиозная картина: коричневый поток захватил все русло реки. Если бы наши палатки были разбиты чуть ниже, от табора и людей осталось бы пустое место. Картина ве-

личественная, но страшная, положение критическое. К тому же продукты были взяты в обрез, и табор, отрезанный от всего мира, шел на голодный паек.

Но тут случилось непредвиденное: неожиданно-негаданно наша вьючная коровенка отелилась! Никто и не предполагал, что она ждет потомство. Правда, теленок прожил всего сутки, потому что угодил в котел, но

первый транспорт. А я заметил уже отремонтированную вагонетку. Договорился с начальником биржи, сообща установили ее на рельсы. Установили примитивный тормоз из деревянного рычага.

Наконец все готово. Зову сестру и, разумеется, синеокую поэтессу, а также еще кого-то. Толкаем вагонетку и запрыгиваем на нее. Сначала она катится медленно, потом

этого супа хватило еще на двое суток. Кто-то догадался доить эту незнакомую с дойкой корову — корейцы в те годы не употребляли молока вовсе. Как-то на замечание, что от азиатов всегда слышен запах чеснока, мой знакомый в порыве откровенности признался, что от европейцев — особенно против ветра — тоже невыносимо пахнет кислым молоком...

Наконец небо очистилось, выглянуло солнце, деревья и зелень засверкали сочными красками, вода, как всегда в горах, стала быстро спадать. Но люди были голодны, оставаться в плену не хотелось ни одного лишнего часа. Решили строить мост, благо в компании было несколько крепких парней. Срубили и приволокли мощную лиственницу и перекинули в самом узком месте со скалы на скалу. Рядом бросили вторую, потоньше, натянули на высоте плеча веревку и благополучно переправили тех, кому требовалась помощь. Перетащили разобранные палатки и прочий скарб. И тут вспомнили о привязанной на опушке корове. Крепкой длинной бечевой обвязали скотину вокруг туловища, под лопатки и шею, и с большим трудом переправили вплавь.

Когда добрались до лесной биржи, узнали, что узкоколейка местами тоже повреждена. Большинство путешественников расположились как попало, чтобы ждать

все быстрее и наконец так, что придорожные кусты и деревья мелькают, как в окне вагона. Это непередаваемое ощущение: ни шума мотора, ни запаха бензина, только легкое постукивание чугунных колес на стыках. Напор встречного ветра в лицо, он треплет волосы, посвистывает в ушах. А воздух напоен запахами подсыхающих после дождей трав и невидимых цветов!

Миновали седьмой, шестой, пятый и, наконец, первый водопад, последний поворот, и вот по обеим сторонам замелькали дачи и дачки, тополя и акации главной аллеи нашей Новины. Лица друзей и знакомых. Наконец, театр и каменные столбы новинских ворот, откуда несколько дней назад мы начали свой поход...

* * *

Судьба раскидала нас по белу свету. Лариса вышла замуж за состоятельного француза, побывала в Африке, Индии, на экзотических островах Таяти. Я — на окраине Азии, во льдах Чукотки. Теперь все по домам: Лала во Франции, Виктория в Америке, я в России. И странно представить, что там, в Корее, все так же шумят и сверкают водопады. Но уже без нас. И нашей юности.

В оформлении очерка использованы фотографии из архива автора.